

ЛЮБОВЬ К ИСТОРИИ

БОРИС

АЖУНИН

Это уже четвертый сборник записей в моем блоге, который называется «Любовь к истории». Жизнь «живого журнала» протяженностью в полтора года, очень непростых.

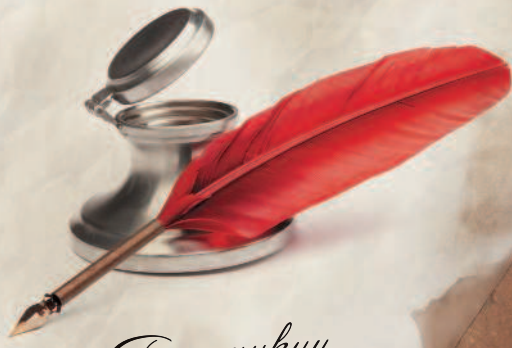
Я, конечно, писал в блоге не только об истории (которую люблю), но и о политике (которую не люблю, но куда от нее денешься), о ярких художественных впечатлениях или поездках, но для печатной версии отобраны в основном тексты сюжетные – миниатюрные новеллы об интересных людях и поразительных событиях из прошлого.

К сожалению, бумажный формат не дает возможности воспроизвести самое интересное – обсуждения и споры, которые возникают в интернете после каждой публикации. Читательских откликов и комментариев в блоге десятки тысяч. Среди них попадаются и такие, которые гораздо интересней авторского текста. Для того, чтобы вы получили представление об аудитории блога, я выделил специальный раздел, где мы с читателями общаемся: они участвуют в моих опросах, а я отвечаю на их вопросы.

Третий раздел – списки моих любимых книг по разным жанрам, с короткими объяснениями, почему именно эти книги у меня любимые.

А завершает сборник наш диалог с замечательным писателем Михаилом Шишкиным, и спорим мы с ним о том, о чем испокон веку спорят российские писатели, да все не могут договориться: что за страна такая Россия, как в ней жить и как ее сделать лучше.

Если заинтересуетесь жизнью блога – добро пожаловать на <http://borisakunin.livejournal.com>. Там много такого, что в эту книгу не вошло.

*Тригорий Мхартишвили,
он же Борис Акунин,
он же Анатолий Брусникин,
он же Анна Борисова*

12.05.2013

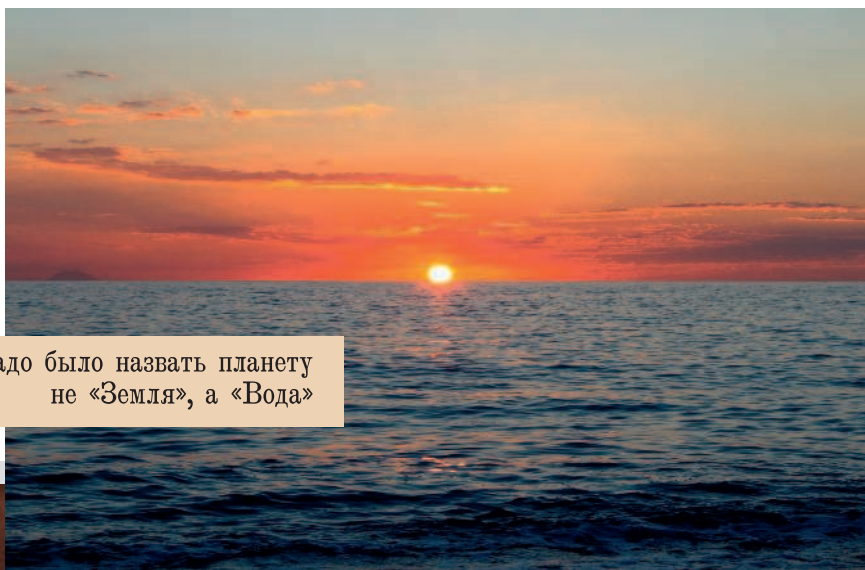
СЕВЕРНЫЙ ЧАСОВОЙ

Однажды я прожил короткую, но совершенно отдельную жизнь, которая называлась кругосветным плаванием.

На самом деле ощущение было такое, что это свет плывет вокруг тебя, потому что ты всё находишься в одной точке – сидишь, стоишь, лежишь, а мир демонстрирует себя, дефилирует мимо.

И мир оказался совсем не таким, как я думал раньше. Я-то воображал, что планета Земля – это асфальтовые улицы, поля-леса, ну там морской берег (вид из окна отеля). И повсюду люди. То кишмя кишат, то изредка встречаются, но всегда присутствуют.

А на самом деле – теперь я знаю точно и никто меня с этого знания не собьет – наша планета пустая и мокрая. Она состоит из Большой Воды, и лишь кое-где торчат пупырышки суши. Когда плывешь через океан и день за днем не видишь вообще ничего кроме волн и неба, это здорово вправляет мозги.

Надо было назвать планету не «Земля», а «Вода»

И еще я насмотрелся на людей, которые живут совсем не так, как мы, а главное, абсолютно не хотят жить, как мы.

Однажды корабль остановился в миле от какого-то маленького острова, и по радио объявили, чтобы все срочно писали письма. Оказывается, жители острова придумали себе отличную кормушку, за счет которой неплохо существуют. Они всего лишь сделали свой почтовый штемпель. И теперь конверты, помеченные этим штемпелем, представляют филателистическую ценность.

Туземцы подгребли к огромному теплоходу на лодке, им скинули бочку, в которой были письма, деньги и дары. Лодчонка подцепила бочку и уплыла. Через какое-то время проштемпелеванные письма уйдут на лодке куда-то, где есть настоящая почта, и оттуда рано или поздно доберутся до адресатов. Этого заработка и такой вот куцей связи с цивилизацией туземцам вполне достаточно. Ну нас к черту с нашими интернетами, телефонами, микроволновками и чипсами.

Я уже который год рассказываю знакомым про удивительный почтовый остров, а тут недавно узнал сюжет еще более поразительный.

Оказывается, на свете есть племя, которое вообще не контактирует с цивилизацией. Никак. А потому что не хочет.

Северный Часовой.
Весь покрытый
зеленью

Эти люди живут на острове North Sentinel (Северный Часовой), который относится к Андаманскому архипелагу. Про них практически ничего не известно — кроме того, что всех нас они в гробу видали. (И некоторых, кто был слишком навязчив, туда таки отправили.)

Остров открыт европейцами давным-давно, еще в восемнадцатом веке, и если не подвергся колонизации, то лишь потому, что не представлял никакого интереса в смысле наживы, а кроме того, весь окружен рифами — ни подплыть, ни пристать.

В девятнадцатом веке на скалах несколько раз разбивались корабли. Экипажи пытались высадиться на берег, но туземцы встречали их стрелами. Кое-кого и прикончили.

Это очень низкорослые, голые, курчавые люди с выкрашенными в красный цвет носами. Разговаривают на языке, нисколько не похожем на другие андаманские, из чего следует, что они живут изолированно с незапамятных времен.

Один раз, в 1897 году, на остров высадилась полиция, гнавшаяся за беглым каторжником. Нашла его всего утыканного стрелами, с перерезанным горлом, и поскорее убралась восвояси.

Сейчас остров формально принадлежит Индии. Несколько раз антропологи пытались вступить с сентинельцами в контакт: привозили дары, выказывали всяческое дружелюбие.

Туземцы неизменно уходили в лес. От чужаков ничего брать не желали.

В 1991 году один индийский ученый, казалось, вдруг нашел путь к сердцу неприступных аборигенов. Магическим ключом оказались разноцветные пластмассовые ведра.

В течение шести лет удавалось поддерживать очень осторожный, весьма однообразный контакт. Иногда сентинельцы вели себя мирно — то есть забирали ведра. Иногда грозили копьями и показывали задницы. Но близко так ни разу и не подошли.

А потом общение вообще прекратилось.

Туземцы стали стрелять по вертолетам из луков.

В 2006 году убили двух рыбаков, чью лодку течением занесло на остров.

Бог знает, что на дикарей нашло. Может быть, просто решили, что цветных ведер у них уже достаточно.

Поскольку времена сейчас политкорректные, островитян оставили в покое, даже за убийства не покарали. Пусть живут, как хотят.

Вот они и живут. Мы даже не знаем, сколько их. Видимо, несколько сотен.

Я пытаюсь представить, как они там существуют в своем маленьком, до сантиметра изученном мире. Всё, что им нужно, у них есть. А больше они ничего не хотят. Только чтоб их не трогали. Я думал, что так не бывает. Что человек — существо, которому всегда всего мало и одним из главных инстинктов которого является любопытство. Ан нет.

Вот ей-богу, иногда, как мысли черные к тебе придут, начинаешь думать: записаться, что ли, в северные часовые? Встать на посту, никого к себе не подпускать, а кто сунется — стрелами по ним, стрелами.

19.05.2013

С ЖЕСТОКОЙ РАДОСТИЮ

В школе меня, помню, мутило от «Оды к вольности». Нам ее читали в усеченном виде, пропуская строфы про «преступную секиру», казнившую бедного Людовика. И получалось, что это поэт говорит от своего собственного имени: «Твою погибель, смерть детей с жестокой радостию вижу». Я был мальчик с живым воображением и сразу начинал представлять, как Пушкин — с бакенбардами, в крылатке — стоит и потирает ладоши, глядя, как революционеры убивают маленьких царевичей и царевен.

В истории множество раз происходило одно и то же: люди, уверенные, что сражаются на стороне Добра, стремились искоренить Зло до доньшка, выдернуть все корешки, чтобы сызнова не проросли. «Корешками» часто оказывались ни в чем не повинные дети венценосных злодеев, иногда совсем маленькие.

Не знаю, стоит ли «высшая гармония» слезы ребенка (может, и стоит — дети легко плачут и быстро утешаются), но вот детской крови точно не стоит. Тем более, что на детских костях никакой гармонии не выстраивается. Да и тем, кто выпалывал такие «корешки», история обычно платила той же кровавой монетой.

Преторианец Кассий Херея, глава заговора против садиста Калигулы, вероятно, вошел бы в анналы ланцелотом и победителем Дракона,

Этого-то уroda
нисколько
не жалко

если б после убийства императора не приказал умертвить и его годовалую дочь, которой расшибли голову о стену.

Сам Херея торжествовал недолго — очень скоро погиб нехорошей смертью.

Французские республиканцы заморили в темнице десятилетнего дофина Людовика, умершего от недоедания и нехватки свежего воздуха. За это вместо Свободы, Равенства и Братства получили новую тиранию и череду бесконечных войн, в которых погибла пятая или даже четвертая часть французских мужчин.

Дом Романовых, стремясь избавиться от потенциального соперника, начал свое правление с того, что предал казни «Ивашку Воренка», трехлетнего сына Лжедмитрия II и Марины Мнишек. Палач повесил малыша неловко, к тому же тельце было совсем легкое. Петля плохо затянулась, и мальчик умирал на морозе несколько часов.

Надо ли удивляться, что триста лет спустя строители нового, коммунистического царства поступили так же жестоко с юными Романовыми? Зловещая историческая рифма. (Сотрудники архива однажды показали мне штык, который торжественно сдал на вечное хранение некий ветеран революции. Дедушка похвастался, что этим штыком добивал в подвале Ипатьевского дома цесаревича. Кошмарную реликвию заперли в сейф, не зная, что с ней делать.)

Луи-Шарль Бурбон (1785—1795)

Марина пытается спасти Ивана (1610—1613).

Художник Л. Вычолковский

Алексей Романов
(1904—1918)

От утопии, ради которой обагрился детской кровью этот штык, тоже ничего не осталось. Да и не могла она осуществиться, такая утопия.

Но был и член Боевой организации эсеров Иван Каляев, который 2 февраля 1905 года не стал бросать бомбу в экипаж великого князя Сергея Александровича, потому что в карете сидели дети.

Наверное, суть в этом: понять, что дети самого лютого твоего врага — все равно дети и что они уж точно ни в чем не виноваты.

«Побочный урон»: Мартин Ричард
(2005—2013)

(Этот сумбурный текст я пишу под впечатлением от записки Джохара Царнаева, который назвал погибших на Бостонском марафоне «побочным уроном» войны мусульман с Америкой.)

LIQUIDATION TOTALE-1

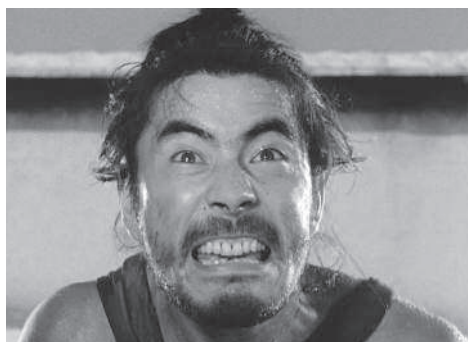
Проглядываю директорию, где хранятся идеи проектов, к которым я утратил интерес, и сюжеты для произведений, которые я уже никогда не напишу. Потому что надоело резвиться, хочется писать серьезное. Лета клонят.

Там, в неосуществленных планах, много ерунды, но есть и довольно занятные штуковины. Буду от них постепенно избавляться — может, кому пригодится.

Например, был у меня прожект, отчасти навеянный акутагавской новеллой «В чаше». Собирался изложить один и тот же сюжет в двух противоположных жанрах: цинично-плутовском и романтически-сентиментальном.

Старье —
на свалку

У Акутагавы с Куросавой один и тот же персонаж предстает то героем, то злодеем

В жизни иногда случаются коллизии, которые допускают диаметрально различную трактовку. Главным образом это зависит от душевных качеств того, кто дает событиям оценку. Человек великодушный склонен и весьма сомнительные поступки других людей истолковывать в выгодном для них свете, а человек мелочный и скверный даже в самом красивом поступке обязательно предположит какой-нибудь низменный мотив.

У меня в файле есть подлинная история, идеально подходящая на роль такого перевертыша: хочешь — верь в хорошее и умиляйся, хочешь — разоблачай и плюйся.

За точность фактов не поручусь, поскольку в свое время вычитал про этот «марьяж-блан» в чьих-то мемуарах, но для романа, как вы понимаете, достоверность большого значения не имеет.

Во всяком случае, легкое гугление подтверждает, что все персонажи существовали на самом деле, стало быть, не полная выдумка.

В Австрии есть знаменитая кондитерская фирма «Демель», основанная еще в восемнадцатом веке. Она поставляла торты, пирожные, конфеты и прочие сладости императорско-королевскому двору.

В тридцатые годы прошлого столетия венский магазин «Демель» прославился своими фантастически красивыми витринами. Каждая была настоящим произведением дизайнерского искусства.

Дело в том, что владельцы, чуть ли не впервые в истории торговли, догадались нанять для декорирования витрин талантливого дизайнера — молодого барона Фридриха фон Берзевици. Это был эстет, щеголь, один из самых модных людей тогдашней развеселой Вены. И, как полагалось декаденту, растленному аристократу, художнику томной эпохи, — гомосексуалист.

Марципановый Моцарт

С середины тридцатых в стране установился реакционный режим, получивший название «австрофашизм». Положение евреев становилось всё более угрожающим, а Демели, как утверждает мемуарист, были евреями.

И вот, на самом пике антисемитской истерии барон предлагает наследнице фирмы Кларе Демель так называемый *matriage blanc*, «белый брак» — то есть совместную жизнь без интимной близости. У продвинутых интеллектуалов тогдашней Европы, по примеру Бернарда Шоу, подобные высокие отношения были в моде. А для благопристойной женитьбы гомосексуалиста на готовой к такому союзу даме существовал еще и особый термин: «лавандовый брак».

В данном случае эта бело-лавандовая свадьба была нужна невесте больше, чем жениху. В 1938 году Австрию оккупировали немцы, и титул баронессы фон Берзевици-унд-Какашломниц помог Кларе уехать из страны в Италию и укрыться там в монастыре до конца войны.

Фиктивный (или, во всяком случае, номинальный) брак, заключенный во имя спасения, получился на удивление прочным — продлился до смерти Клары. Овдовев, барон вдруг оказался единственным владельцем почтенной кондитерской фирмы. Недолго поруководил ею, потом продал и уехал в США, где потом еще много лет блистал в нью-йоркском артистическом бомонде (например, был арт-директором журнала «Vog»).

Это и есть фабула, на основе которой я собирался сделать две повести. Имена действующих лиц, конечно, поменял бы.

Героем первой был бы невероятно расчетливый сукин сын, промотавшийся дворянчик, обуреваемый жадой богатства. Фашистская угроза, нависшая над Веной, предоставляет ему отличный шанс сорвать большой куш. Барон привязывает к себе жену долгом благодарности. После войны живет в свое удовольствие, пользуясь

Вот какой красавчик